

Три сына

По мотивам бурятского эпоса «Абай Гэсэр»

1

Посреди степи, где седой курган,
Жил да был Саргал — тугешинский хан.
Хоть не молод был, но силён и смел,
Молодых троих сыновей имел.
Старший сын его был Алтан Шагай,
Средний сын его был Мунгэн Шагай.

Младший сын Нюргай был в ту пору мал,
И отец его соплячком прозвал.
Тот Нюргай ещё продолжал расти,
Как отец послал их телят пасти.
Братья выгнали и пасут телят,
Было тех телят ровно семьдесят.

Братья бегают и не ведают,
Чем сегодня днём пообедают.
Вот уж есть пора, и сказал Нюргай:
«Брат Алтан Шагай, брат Мунгэн Шагай,
Здесь у нас телят очень много есть,
Вот бы нам втроём одного бы съесть».
Братья старшие не решаются,
Ведь родители заругаются.
Взялся их Нюргай успокаивать,
Уговаривать и настаивать:
«Мы съедем телка, а потом втроём
Шкуру травами посильней набьем.
Крикну — кыш! — тогда я кургузому,
Куцехвостому, толстопузому.
Побежит телок, забодается.
Разве кто-нибудь догадается?
Будет шкура та по степи скакать,
Не поймёт отец, не узнает мать».
Согласились те: «Ну давай, пока
Мы костер зажжём, ты лови телка».
И тогда Нюргай был хотя и мал,
Но за хвост телка на бегу поймал.
Шкура так в руках и осталася,
До костра одно мясо мчалося.
Мясо сжарили и отведали,
Всем телком зараз отобедали.
И сказал Нюргай: «А теперь втроём
Шкуру травами посильней набьём».

Набивать взялись они чучело,
Шкуру бедную чуть не вспучило.
Закричал Нюргай: «Эй, кургузый, — кыш!
Что не бегаешь и чего стоишь?»
Побежал «бычок» и мычал притом,
И бодаться лез, и махал хвостом.
Осмотрел отец стадо вечером:
«Молодцы! Сказать больше нечего».

2

Снова выгнали поутру телят.
Подошёл обед, есть опять хотят.
А как день прошёл — братья сытые,
В стаде два телка уж набитые
И багульником, и степной травой.
И второй бычок скачет как живой.

И на третий день братья сытые,
В стаде три телка уж набитые.

Потом пять телят, потом семь телят,
Наконец они съели семьдесят.

Так за лето все пообеденно,
Мясо всех телят было съедено.

Вот пригнали раз эти чучела,
Братьев сильная жажда мучила.
Каждый пьёт и не напивается.
Мать на них глядит, удивляется:
«Где ж вы так, сынки, утомились,
Что водою чуть не опились?»
«Ох, напились еле-еле мы —
Очень жирное мясо ели мы.
Жирный был телок, дольше всех ходил,
Из несъеденных он последний был».
Побежала мать и проверила,
Аж глазам своим не поверила!
С виду бык как бык, и стоит мычит,
Пригляделась: а трава торчит.
Догадалась мать, заругалась мать
И давай кнутом сыновей гонять.

Услыхал отец, прибежал на крик,
А потом до слез хохотал старик.
Про проделки те он, конечно, знал,
Но сейчас ругать сыновей не стал.
Возмужали все, стать сибирская,
Сила будет в них богатырская.
Но хотя в руках сила славная,
Сила духа — вот сила главная.
Потому-то он им заранее
Приготовил три испытания.
Не заметишь, как пролетят года,
Кто его народ защитит тогда?

3

Поутру старик очень рано встал,
Шило острое с сапогом связал.
«Эй, вставай, Алтан! Надо лично мне
Осмотреть поля приграничные».
И поймал быка превеликого,
Нрава буйного, полудикого.
Сели сын с отцом, и повёз их бык,
Позади Алтан, впереди старик.
Ближе к полудню заезжают в лес,
А деревья там чуть не до небес.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,

Что б из этого ты построить мог?»
Сын задумался, долго думал он:
«Я построил бы для скота загон».
Проезжают лес, вид меняется —
Перед ними степь расстилается.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Как бы эту степь ты освоить мог?»
Помолчав чуть-чуть, говорит Алтан:
«В этом месте я основал бы стан.
Будет здесь трава хорошо расти,
Значит, будет где табуны пасти».
Замолчал Алтан, и молчит отец.
Впереди поля и степи конец.
И взлетает вдруг возле бычьих ног
Птичка малая, полевой вьюнок.
Вздрыгнул бык, а хан сколько было сил
Шило острое ему в бок всадил.
Как кузнечик, вверх подскочил бугай,
Повалились хан и Алтан-Шагай.
Вот лежит отец и не дышит он,
Сын зовёт его, но не слышит он.
Закричал Алтан: «Умер папа мой!»,
Разрыдался и побежал домой.
Возвратился в дом, а за ним отец:
«Уж подумал я, что пришёл конец.
Кое-как мне там удалось встать».
И под вечер все улеглись спать.

4

Вот наавтра хан снова рано встал,
Шило острое с сапогом связал.
«Эй, вставай, Мунгэн! Надо лично мне
Осмотреть поля приграничные».
И поймал быка превеликого,
Нрава буйного, полудикого.
Сели сын с отцом, и повёз их бык,
Позади Мунгэн, впереди старик.
Ближе к полудню заезжают в лес,
А деревья там чуть не до небес.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Что б из этого ты построить мог?»
Помолчал Мунгэн, посмотрел кругом.
«Вот из этого я б построил дом».
Проезжают лес, вид меняется —
Перед ними степь расстилается.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Как бы эту степь ты освоить мог?»
И сказал Мунгэн: «В этом месте мне б

Целину вспахать да посеять хлеб».
Замолчал Мунгэн, и молчит отец.
Впереди поля и степи конец.
И взлетает вдруг возле бычьих ног
Птичка малая, полевой вьюнок.
Вздрогнул бык, а хан сколько было сил
Шило острое ему в бок всадил.
Как кузнечик, вверх подскочил бугай,
Повалились хан и Мунгэн Шагай.
Вот лежит отец и не дышит он,
Сын зовёт его, но не слышит он.
Закричал Мунгэн: «Умер папа мой!»,
Разрыдался и побежал домой.
Возвратился в дом, а за ним отец:
«Уж подумал я, что пришёл конец.
Кое-как мне там удалось встать».
И под вечер все улеглись спать.

5

Вот назавтра хан снова рано встал,
Шило острое с сапогом связал.
«Эй, вставай, Нюргай, надо лично мне
Осмотреть поля приграничные».
И поймал быка превеликого,
Нрава буйного, полудикого.
Сели сын с отцом, и повёз их бык,
Позади Нюргай, впереди старик.
Ближе к полудню заезжают в лес,
А деревья там чуть не до небес.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Что б из этого ты построить мог?»
Отвечал Нюргай: «Я б построить мог
Для людей жильё и большой острог,
Чтоб не вздумали здесь враги пройти,
Чтоб была у них крепость на пути».
Проезжают лес, вид меняется —
Перед ними степь расстилается.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Как бы эту степь ты освоить мог?»
«Место здесь, отец, подходящее,
Будет битва здесь настоящая,
И залью тогда степь просторную
Кровью вражеской, кровью чёрною.
Защищать начну я от нечисти
И тебя, отец, и Отечество».
Рад отец тому, что сын сказывал,
Только виду он не показывал.
Потому сидит и молчит отец.

Впереди поля и степи конец.
И взлетает вдруг возле бычьих ног
Птичка малая, полевой вьюнок.
Вздрыгнул бык, а хан сколько было сил
Шило острое ему в бок всадил.
Как кузнечик, вверх подскочил бугай,
Повалился хан, и слетел Нюргай.
Вот лежит отец и не дышит он,
Сын зовёт его, но не слышит он.
Говорит Нюргай: «Я закон храню,
Наряжу отца и предам огню».

6

Посидев, Нюргай вытер грязь с лица.
До чего ж ему было жаль отца!
И пошёл, кляня горе личное,
На поля на те, приграничные.
У китайцев там взял шелка Нюргай,
Разноцветные, с позолотой край.
В те шелка одел своего отца.
Горе тяжкое, тяжелей свинца...
Постоял Нюргай и слезу утёр,
Посреди степи запалил костёр.
И кострище то было сложено
По обычаю, как положено.
Произнёс Нюргай всё, что следует
Тем, кто веру ту проповедует.
Хоть нелепо так и погиб отец,
Но душе его не пришёл конец.
Пусть душа его, что селилась в нём,
К небесам уйдёт со святым огнём.
Пусть очистится, успокоится,
Жизнь иная там ей откроется.
Вот в костре отец, и шелка на нём
Сразу вспыхнули, занялись огнём.
Закричал отец: «Ой, сынок, прости!
Затуши огонь и отца пусти.
Хоть я полон сил, но не молод я,
Знать хотел, кто б мог заменить меня.
Вижу я, Нюргай, ты у нас каков:
Буду смело жить, не боясь врагов,
А умру — пойду в свой последний путь
Как положено, а не как-нибудь.
Что случилось здесь, ты о том молчок.
Для меня теперь ты не соплячок.
Ты не маленький, а большой Нюргай,
Так зовись теперь Удалой Нюргай.
Как сейчас я горд и доволен я!

Ты сегодня сядь впереди меня».
Сын поймал быка, и повёз их бык,
Впереди Нюргай, позади старик.
...Вечер медленно опускал туман
На родную степь и седой курган.

Славным батором стал Алтан Шагай,
Славным батором стал Мунгэн Шагай,
А Нюргай подрос и Гэсэром стал.
Добрый юношам он примером стал,
Старикам он стал в утешение,
А врагам он стал в устрашение.
Ведь не зря его похвалил отец.
Тут и повести подошёл конец.

Охотник Хартагай

Бурятская сказка

Сказку старую стихами
Я хочу вам рассказать.
Раньше куры с петухами
Лучше всех могли летать.

Со скотом твоим рогатым
Будем жить в одном дворе.
Будешь пищею богатым,
Будет радость детворе».

В небе молнией блистали,
И полёт их был таков,
Что порой они летали
Выше белых облаков.

Хартагай решил: «Теперь я
Крылья им укорочу,
Спрячу дома эти перья
И курятник сколочу».

А потом в лесу садились
Среди вольных птичьих стай.
Место, где они гнездились,
Знал охотник Хартагай.

Так и сделал. И всё лето
Жили курицы, неслись.
Надоела жизнь им эта,
Их опять манила высь.

Думал он, глядел на небо
В синий тенгрий без границ:
«Вот сейчас отведать мне бы
Мясо этих вольных птиц».

«Что нам, курам, делать? Что же?
Дни за днями провожать?
Улететь теперь не сможем.
Может, просто убежать?»

И однажды на рассвете
Хартагай ждал успех:
Заманил он куриц в сети
И поймал их сразу всех.

А петух, мрачнее тучи,
Так сказал: «Я не хочу
Жить без крыльев тех, летучих.
Я без них не улечу.

А обратною дорогой
Он услышал просьбу птиц:
«Ты, охотник, нас не трогай,
Нанесём тебе яиц.

Хартагай мы попросим,
Пусть он крылья нам вернёт.
Мы ему добро приносим,
И охотник нас поймёт».

А охотник это слышал,
Был он около двора.
К петуху и курам вышел:
«На охоту мне пора.

День неспешно догорает,
А петух сидит и ждёт.
Как молитву повторяет:
«Хартагай сейчас придёт.

Понимаю вас и каюсь,
Признаю свою вину.
Я на зорьке возвращаюсь,
Крылья сразу же верну».

Никогда он не забудет
Обещанье крылья дать.
Завтра снова утро будет,
Значит, снова будем ждать.

Вышел с луком за ворота
И пошёл в сосновый лес.
Но в лесу случилось что-то,
И охотник там исчез.

Если дал охотник слово,
Значит, выполнит его».
Загрустили куры снова,
Не дождавшись ничего.

Может, духов он обидел,
И его медведь задрал?
Но никто в ту ночь не видел,
Чтоб охотник умирал...

На заборе сели рядом,
Греют пёстрые бока,
Провожают грустным взглядом
В синем небе облака.

Вот и зорька заалела.
Тихо-тихо во дворе.
Птичья стая пролетела
И растаяла в заре.

И клянут удел свой горький,
Вспоминая прежний рай,
И зовёт петух на зорьке:
«Хартагай-ай! Хартагай!»

А петух взлетел повыше,
Чтобы видеть леса край,
И кричит, кричит на крыше:
«Хартага-ай! Хартагай!»

Скоро сказка станет былью —
Хартагай домой придёт.
Только тот получит крылья,
Кто надеется и ждёт.

Кто быстрее

Сообщил историк местный,
Что в Алари, говорят,
Жил Гарма — бегун чудесный,
Зверобой, стрелок известный,
Из хонгодорских бурят.

Если что стрелу отклонит
И она не так пойдёт,
То Гарма не проворонит,
На лету стрелу догонит,
Скорректирует полёт.

И такой же быстроногий
Был ещё Бадма бурят.

Жил он в юрте у дороги,
Не богатый, не убогий,
Из унгинских булагат.

Если он с женой повздорит,
То уйдёт на целый день
И любого объегорит,
На ведро архи поспорит,
Что свою обгонит тень.

Пробежать он так сумеет,
В беге выложится весь,
Вокруг юрты вихрем взвезет,
Семь кругов завить успеет,
Когда тень лишь только шесть.

Тень, бывало, не отстанет
И успеет тоже семь.
Всё равно он спорить станет,
Всё равно того обманет,
Кто неграмотный совсем.

На Унге аларских встретят,
Вместе выпьют тарасун,
На вопросы их ответят
И случайно так заметят:
«Ах, какой Бадма бегун!»

И аларские встречают,
Льют унгинским тарасун,
Все в гостях души не чают
И случайно замечают:
«Ах, какой Гарма бегун!»

Как-то раз дошло до брани,
И сказали старики:
«Чтоб не спорить, не буянить,
Бегуны на Сур-Харбане
Побегут вперегонки.

И конец наступит спору».
Вот подходит Сур-Харбан.
Бегуны по уговору
Забрались вдвоём на гору:
Старт давался от Саян.

Луки разом натянули
И пустили две стрелы,
Да за ними так рванули,

Что, догнав, под них нырнули
И вперёд ушли, орлы.

Эй, лети с дороги птица,
Уводи с пути зверей!
Видишь, вихрь какой-то мчится,
Как в коллайдере частица,
Даже чуточку быстреей.

Люди, что в пути встречались,
Не могли никак понять,
Как две тени оторвались,
За хозяевами гнались —
Не могли никак догнать.

Бегуны стремглав летели
От Саян и до реки,
Где в тени ангарской ели
Птицеловы в ряд сидели
И готовили силки.

Слабонервные и дети
Враз зажмурили глаза,
Чтоб не видеть страхи эти:
Бегуны влетели в сети —
Тут бессильны тормоза.

Всё закончилось прекрасно —
Одновременно пришли.
А толпа-то не согласна,
Кто быстрее пришёл — не ясно.
Снова споры завели.

Чтобы не было сомнений,
Посмотреть они хотят:
Как с учётом всех мгновений
Прибегут на финиш тени
И как стрелы прилетят.

Стрелы вскоре прожужжали,
Одновременно причём.
Тени вместе прибежали,
Так на финиш поднажали,
Аж язык через плечо.

Больше споров с того года
Не случалось никогда,
И с тех пор два близких рода —
Ветви одного народа,
Стали «неразлейвода».